
УДК 130.2

Т.Э. Рагозина

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, ДНР)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ КАТЕГОРИИ «ФОРМА ПРЕВРАЩЁННАЯ»

***Аннотация.** Предлагаемая статья представляет собой продолжение предпринятой ранее попытки выявления аутентичной Марксовой трактовки категории формы превращённой, её предметного содержания и методологической роли. С этой целью автор ставит и рассматривает вопрос об истории становления категории формы превращённой*

***Ключевые слова:** форма превращённая, форма положенная, развитие, полагание, субстанция-субъект, саморазвитие, общество как организационная система.*

Продолжая начатый ранее разговор о роли и методологическом значении категории «форма превращённая» (См.: нашу статью [1]), напомним вновь те вопросы, без принципиального ответа на которые указанная категория рискует навсегда остаться бесполезной беллетристической побрякушкой в руках незадачливых исследователей. Вот эти вопросы: **а)** каково предметное содержание категории «форма превращённая»? **б)** что побудило К. Маркса ввести в научный оборот категорию *формы превращённой*? **в)** была ли категория *формы превращённой* каким-либо образом укоренена в истории философской мысли *до Маркса* или она – специфическое порождение марксизма²⁴? **г)** каков вообще круг проблем, который может быть решён с её помощью? Возможно, дальнейшее рассмотрение этих вопросов поможет понять, почему при всей значимости совершенного Марксом открытия (формы превращённой) эта ключевая для анализа функционирования и развития сложных самораз-

²⁴ Если верно последнее, тогда правы те современные философы науки, которые отрицают преемственность и кумулятивность в развитии научного знания, в лучшем случае признавая возможность приращения знания внутри каждой отдельно взятой парадигмы.

вивающихся систем категория так и не стала действенным инструментом современного научно-теоретического мышления?

Думается, это не в последнюю очередь связано с той односторонне-упрощённой трактовкой категории формы превращённой как исключительно *формы извращённой и превратной*, которая возобладали после статьи М. К. Мамардашвили [2] и которая ввиду такой выхолащенности категориального содержания в итоге на долгие годы обусловила её не востребованность социально-философской мыслью конца XX – начала XXI века.

Указанной не востребованности категории формы превращённой в немалой степени способствовало также отсутствие в исследовательской литературе сколько-нибудь прояснённой её «философской родословной», которая могла бы, с одной стороны, пролить свет на понимание того, прямой наследницей каких философских проблем и категорий диалектики, существовавших *до неё* в истории философской мысли, она является, а, с другой стороны, дала бы возможность уяснить, *что такого особенного* есть в категории формы превращённой, чего не было в её предшественницах и что в итоге только и позволило ей стать методологическим средством решения сложнейших теоретических проблем, которые *до неё* и *без неё* были просто неразрешимы.

Найти сегодня ответ на вопрос, была ли категория формы превращённой каким-либо образом укоренена в истории домарксовской философской мысли и если – *да*, то в постановку *каких* философских проблем она уходит своими корнями, – значит ответить на вопрос о том, в *чём заключалась безусловная необходимость её появления* в философском арсенале Карла Маркса, значит решить задачу *обоснования* формы превращённой в качестве универсальной категории мышления.

Для решения этой задачи нет, пожалуй, лучшего средства, чем ретроспективный анализ проблемы, предполагающий *реверсивное движение мысли*, последовательно, шаг за шагом проходящее в обратном порядке путь, однажды когда-то уже пройденный предшествующей мыслью, закономерно оставившей после себя характерные метки / вехи своего восхождения по ступеням зрелости.

И первый же шаг на пути реверсивного движения мысли наталкивается на любопытное обстоятельство, а именно: на факт отсутствия в современной литературе не только анализа происхож-

дения и становления категории формы превращённой в *предшествующей* К. Марксу философской мысли, но и на факт отсутствия истории вопроса у самого К. Маркса. Уж так повелось (опять-таки – с лёгкой руки М. К. Мамардашвили²⁵ и его последователей, редуцировавших всё содержательное богатство данной категории к трактовке её как «превратной формы превратного мира»), что категория «форма превращённая» (подобно Афине Палладе, явившейся из головы Зевса, родившего её *единолично*) явилась в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости» тоже «из головы Маркса», родившего её тоже *единолично*, причём сразу и одновременно, без всяких «мук родов» и уж тем более – без всякой предыстории. Меж тем, дело обстоит совсем не так.

Ни в малейшей степени не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы, обратим внимание на некоторые важные моменты. В частности, на то обстоятельство, что «Экономические рукописи 1857-1861 гг.», «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости», будучи произведениями, относящимися к периоду зрелого марксизма (в плане диалектики и материалистического понимания истории), тем не менее, являют собой качественно разные ступени в плане разработанности представлений Маркса о такой важнейшей категории диалектики, как форма превращённая. Разные вплоть до того, что в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.» превращённой формы как *терминологического выражения* ещё совсем нет, в то время как в «Теориях прибавочной стоимости» и в «Капитале» это выражение *уже есть* и служит для обозначения

²⁵ В этой связи поражает следующий факт: как известно, статью «Форма превращённая» для «Философской энциклопедии» М. К. Мамардашвили писал в промежутке где-то между 1968 годом, когда вышло в свет первое издание его монографии «Формы и содержание мышления», и 1970 годом – годом выхода 5-го тома «ФЭ». И несмотря на то, что статья «Форма превращённая» писалась для «ФЭ», что называется, по горячим следам после упомянутой монографии, имевшей говорящий о многом (в связи с обсуждаемой нами проблемой) подзаголовок «К критике гегелевского учения о формах познания», автор почему-то даже не пытается задаться вопросом о необходимости сравнительного анализа постановки данной проблемы у Гегеля и у Маркса.

одной из ключевых категорий материалистической диалектики, которой Маркс (а затем и Энгельс) будут активно пользоваться на протяжении всей своей последующей научной деятельности.

Сказанное не следует, однако, понимать в том смысле, будто в период 1857-1861 гг., когда велась и получила относительное завершение работа над так называемым *черновым* вариантом «Капитала», Маркс в силу того, что он не обрёл ещё нужный термин для разрабатываемого им понятия, не располагал также и *понятием* формы превращённой. В том-то всё и дело, что в этот период Маркс, уже используя *понятие* формы превращённой для анализа отношений капиталистического способа производства, тем не менее, ещё находится в поисках соответствующего этому понятию научного термина²⁶, который смог бы адекватно и в целостном виде выразить всю специфику таких наличных форм бытия прибавочной стоимости, как прибыль, рента, процент и проч.

Однако, обо всём по порядку. Как было сказано выше, в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.» ещё отсутствует *термин* «форма превращённая» для характеристики экономических отношений буржуазной системы производства, хотя *понятие* формы превращённой уже есть. При этом для периода 1857-1861 гг.

²⁶ А это значит, что вопреки бытующему взгляду, согласно которому 1859 год и, в частности, знаменитое *Предисловие* «К критике политической экономии» ознаменовали-де собой *завершение* становления материалистического понимания истории (См.: Багатурия Г.А. «Первое великое открытие Маркса» [3, с.107-173]), дело обстоит не совсем так. В частности, именно эволюция представлений Маркса о форме превращённой свидетельствует, что *продолжение* позитивной разработки и теории (материалистического понимания истории), и диалектики как метода научного исследования (включая соответствующий ей категориальный аппарат) активно велось вплоть до окончания работы над I-м томом «Капитала», в котором детальная разработка категории формы превращённой как *универсальной формы функционирования и развития общества* только и получает своё завершение. Красноречивым свидетельством тому служит Предисловие Маркса к I-му тому «Капитала» (1867 год), которое вносит заключительный штрих в общую картину материалистического понимания истории образца 1859 года: «...общество не твёрдый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [4, с. 11].

показательно следующее: уже всюду оперируя *понятием формы превращённой* для обозначения специфики онтологического статуса разнообразных наличных форм бытия прибавочной стоимости, Маркс, тем не менее, вместо аналогичного термина в эти годы активно использует гегелевский термин *положенное* (das Gesetzte), характеризуя тем самым указанные формы как *формы положенные*.

Любопытно, что эти же самые наличные формы прибавочной стоимости чуть позже – в «Теориях прибавочной стоимости» (1861-1863 гг.) К. Маркс будет квалифицировать уже с помощью терминологического выражения *формы превращённые*. Правда, это новое выражение, появившееся в «Теориях прибавочной стоимости», ещё будет продолжать сосуществовать наряду с гегелевским понятием *положенное* (das Gesetzte), хотя и при ярко выраженной тенденции вытеснения последнего. Тем не менее, в «Теориях прибавочной стоимости» ещё продолжает звучать старый рефрен: «В качестве потребительной стоимости товар выступает как нечто самостоятельное. В качестве стоимости, напротив, он выступает как нечто лишь *положенное*, определяемое лишь его отношением к общественно необходимому, одинаковому, простому рабочему времени» [5, с. 130]. И только в «Капитале» (1867 г.) указанные наличные формы бытия прибавочной стоимости Маркс будет характеризовать уже исключительно как *формы превращённые*, окончательно сведя счёты с гегелевским спекулятивным понятием das Gesetzte.

Пока же, в период 1857-1861 гг. своего научного творчества всё богатство содержательных характеристик и своеобразие той внутренней соподчинённости связи явлений, которая скрыта за внешним фасадом налично бытийствующих форм прибавочной стоимости, Маркс пытается выразить, используя широкую палитру гегелевского понятийного аппарата: *полагание, предположение, положенное, положенность, форма положенная* и т.д. [См.: 6, с. 86, 196, 197, 251; а также: 7, с. 6, 7, 12, 144]²⁷. То, что термин *поло-*

²⁷ Так, развенчивая миф о свободе и равенстве индивидов в условиях современного ему буржуазного общества, Маркс пишет: «В существующем буржуазном обществе, взятом в его совокупности, это *полагание товаров* в качестве цен, их обращение и т.д. выступают как поверхностный про-

женное (das Gesetzte) не является чем-то случайным в научном словаре Маркса, а используется им вполне целенаправленно и в известном смысле является даже ключевым, становится понятным уже в силу хотя бы одного того, что во множестве случаев это выражение на отдельных страницах встречается до шести-семи раз [См., например: 7, с. 12].

Что же именно так упорно пытается передать Маркс с помощью этого весьма странного (на первый взгляд) понятия – *положенное* (das Gesetzte)? И почему в дальнейшем он столь же решительно откажется от него в пользу понятия *формы превращённой*?

Несколько забегаая вперёд, скажем: Маркс так настойчиво ищет адекватный термин для закрепления в понятийной форме особой категории явлений, которые, будучи итогом и *результата-*

цесс, между тем как в глубине, под ним, протекают совершенно иные процессы, в которых эти кажущиеся равенство и свобода индивидов исчезают» [6, с. 196]. Немного далее Маркс продолжает развивать эту же мысль: «С одной стороны, забывают, что *предположение* меновой стоимости в качестве объективной основы всей производственной системы в целом с самого начала уже заключает в себе принуждение индивида; <...> что эта предпосылка *предполагает*, далее, разделение труда и т.д., где индивид поставлен уже в иные отношения, чем отношения просто *обменивающихся*, и т.д. Забывают, следовательно, что *предположение* меновой стоимости не только никоим образом не вытекает ни из воли, ни из непосредственной природы индивида, но является *исторической* предпосылкой и уже *полагает* наличие индивида как индивида, *определяемого обществом*» (курсив наш – Т.Р.) [6, с. 197].

Не менее показательны фрагменты, в которых Маркс рассматривает «*полагание цен* в сфере денежного обращения», в связи с чем он пишет следующее: «Обращение капитала представляет собой *полагание цен* не только формально, но и реально, поскольку это обращение *полагает* стоимость. Там, где стоимость сама выступает как предпосылка внутри обращения капитала, она может быть лишь *стоимостью*, *положенной* другим капиталом» (выделено Марксом) [7, с. 6]. Или, чуть дальше: «Эти две статьи расхода отдельного капиталиста [сырье и орудие] оказываются *положенными чужим капиталом*» [7, с. 6], вследствие чего имеет место быть «*предположение* капитала капиталом, так что капиталы в различных отраслях производства *взаимно полагают друг друга* как предпосылку и условие» (курсив наш – Т.Р.) [7, с. 6-7].

том преобразования исходного основания буржуазной экономической системы производства, при всей своей кажущейся квазисамостоятельности, всё же являются не чем иным, как *формами производными* от этого исходного основания системы – прибавочной стоимости, а потому в своём существовании подчиняются её всеобщему закону и удерживают в составе своего содержания (пусть и скрыто, пусть и в модифицированном и даже весьма искажённом виде) её всеобщую сущность. Словом, Маркс упорно и целенаправленно ищет нужный ему термин для понятия, которое было бы способно схватывать и выражать в целостном виде «внутреннюю связь явлений», которые на поверхности событий кажутся существующими как вполне независимые и безразличные друг по отношению к другу и к своей собственной основе, некогда породившей их. Более того, Маркс не просто вырабатывает научное понимание особой категории явлений – он ищет их понятийную *формулу*, способную связать воедино многообразно *расчленённые отношения соподчинения особенных наличных форм друг с другом и с общей им всем субстанцией*. Если совсем коротко, то Маркс вырабатывает научное *понятие-формулу*, фиксирующую *результат вместе с путём*, приведшим к нему, а значит – дающую в руки ключ к пониманию *механизма* развития.

И надо сказать, ответы на поставленные вопросы в значительной мере содержатся уже в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.». В частности, в «Главе о капитале» Маркс следующим образом характеризует капитал в качестве денег: «Капитал есть деньги (*самостоятельно положенная меновая стоимость*) ...» (курсив наш – Т.Р.) [6, с. 251]. В этом, как и во многих других фрагментах, Маркс с помощью понятия *положенное* пытается зафиксировать *производный характер* денежной формы меновой стоимости от неё же самой как *субстанции товара*. О том, что дело обстоит именно таким образом, свидетельствуют многочисленные характеристики денег, даваемые Марксом чуть ранее, в «Главе о деньгах»: «...деньги – только отделившаяся от субстанции товаров меновая стоимость и они обязаны своим возникновением лишь тенденции этой меновой стоимости утверждать себя в чистом виде...» [6, с. 105]. Ещё более определённо этот мотив звучит в утверждении Маркса, согласно которому «... меновая стоимость получает оторванное, отделённое от продукта существование. Ме-

новая стоимость, отделённая от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар, есть *деньги*» [6, с. 89]. Поэтому неудивительно, продолжает свою мысль Маркс, что все без исключения «свойства денег <...> все они просто-напросто вытекают из их определения как отделившейся от самих товаров и овеществлённой меновой стоимости» [6, с. 90]. И уж совсем категорично (на той же самой странице), не оставляя ни малейших сомнений насчёт *производного характера* денежной формы меновой стоимости от неё же самой, только существующей в форме товара, Маркс резюмирует следующее: «Таким образом, меновая стоимость продукта *порождает* деньги, существующие наряду с продуктом» (курсив наш – Т.Р.) [6, с. 90].

В данном случае чрезвычайно важным является то, что Маркс характеризует деньги именно как «самостоятельно *положенную*», а не как просто «самостоятельно *существующую*» меновую стоимость. Разница между тем и другим просто колоссальная, ибо *быть положенным* означает, на языке Гегеля, быть *обусловленным* в отличие от чего-то безусловного, изначального, первичного; значит иметь своё основание не в себе самом, а в чём-то другом; значит – быть *зависимым* в своём существовании от этого другого как от некоего исходного основания, способного быть субстанцией-субъектом, полагающим многообразие особенных, наличных форм бытия предмета.

Вот эти-то мотивы – *обусловленность* в своём существовании определённых конкретно-исторических форм буржуазной экономики иными причинами, нежели они сами, их *вторичность и производность* от этих других, сосуществующих вместе и наряду с ними форм (в конечном счёте – от прибавочной стоимости как субстанции всех без исключения экономических явлений буржуазного общества) – вот что пытается ухватить и всесторонне проработать Маркс с помощью гегелевского понятия *положенное* (*das Gesetzte*). А вот насколько пригодным для этих целей оказывается данное понятие – это уже другое дело.

Так Маркс, говоря о том, что «Прибыль и процент представляют собой формы прибавочной стоимости» [7, с. 144], уже в период 1857-1861 гг. зачастую не довольствуется этой простой констатацией, а в порядке уточнения и детализации их (процента и прибыли) онтологического статуса недвусмысленно характеризует их именно как «*вторичные и производные формы прибавочной стои-*

мости» (курсив наш – Т.Э.) [7, с. 12], которая по отношению к ним выступает как их *субстанция* и потому – как их *всеобщая исходная форма*, а значит – как *закон их существования*, пусть и модифицированный их особенными формами наличного бытия. Необходимость установления фактического отношения исторического и генетического родства между двумя и более реально существующими общественными явлениями – вот что интересует Маркса как учёного, вот для чего ему нужно специальное научное понятие-термин: чтобы суметь зафиксировать и отразить в составе теории особую группу, *особую категорию явлений* – вторичных и производных по своему происхождению от прибавочной стоимости, а значит – обусловленных в своём существовании прибавочной стоимостью как всеобщим законом, который в них и через них прокладывает себе дорогу в истории буржуазного общества.

И вот здесь-то прорывается наружу вся научная несостоятельность гегелевского понятия *положенное* (das Gesetzte), заключавшего в своём содержании чисто спекулятивную схему развития, под которую Гегелем просто подгонялась реальная природная и общественная история. Ф. Энгельс в 1888 г., т.е. спустя 30 лет после рассматриваемого нами периода даст глубоко точную оценку гегелевской умозрительной конструкции: «У Гегеля *диалектика есть саморазвитие понятия*. ... Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, то есть причинная связь того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему, – это развитие является у Гегеля *только отпечатком самодвижения понятия*, вечно совершающегося неизвестно где...» [8, с. 301].

«У Гегеля природа, как простое «отчуждение» идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь развёртывать своё многообразие в пространстве, и, таким образом, осуждённая на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития» [8, с. 287].

И в самом деле: именно потому, что у Гегеля и природа, и история – это *формы, положенные духом*, они не способны к самостоятельному развитию. Ущербность и природы, и истории, взятых в их гегелевской трактовке как *форм, положенных духом*, состоит в

том, что они лишены внутреннего источника саморазвития. Именно по этой причине, а не по какой-то другой, природа у Гегеля оказывается не способна к развитию во времени: разнообразные ступени и формы бытия природы *не вырастают* одна из другой и *не порождаются* одна другой, а *существуют одновременно* – одна рядом с другой; именно поэтому она может только развёртывать своё многообразие в пространстве и выставлять *одновременно одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития*.

Что же касается истории, то и «В области истории - констатирует Энгельс, - то же отсутствие исторического взгляда на вещи» [8, с. 287]. И всё по той же причине, добавим мы. Ибо, несмотря на то, что история в целом хотя и понимается Гегелем как восхождение от низшего к высшему по ступеням зрелости, но и здесь переход от одной ступени и формы развития к другой осуществляется всякий раз исключительно благодаря внешнему вмешательству духа, который даёт импульс всеобщим формам бытия человеческой истории (таким, как государство, право, формы художественного творчества и проч.), так сказать, одухотворяет их, сообщает им своего рода жизненную энергию и определяет направление перехода от одной ступени и формы развития к следующей, более высокой ступени и форме развития, в то время как сами эти формообразования, в которых осуществляется общественная история людей, лишены собственного источника развития.

Поэтому-то понятие *положенное*, способное фиксировать *отношения внешней обусловленности* (и только!), но не предназначенное для воспроизведения в движении понятий отношений *порождения, производности* одного реально существующего исторического явления/факта от другого столь же реально существующего явления/факта, то есть не способное удерживать своим понятийным содержанием *внутренний источник и механизм развития* целостного общественного организма, в итоге оказывается абсолютно непригодным для целей Маркса.

Человеку со стороны, неискушённому в премудростях гегелевской и тонкостях марксовской версий диалектики, вся эта «*самостоятельно положенная меновая стоимость*», или – «*товар как положенный в качестве чего-то неравного самому себе*», или – «*полагание товаров в качестве цен*» – всё это на первый взгляд может показаться чистой воды тарабарщиной, в то время как на

самом деле это свидетельствует о том, что в рассматриваемый период Маркс ещё мучительно продолжал искать нужный термин для понятия, использование которого в ходе исследования сложнейшей системы экономических отношений (исследования и без того перегруженного множеством научных терминов и дефиниций) всякий раз избавляло бы его от необходимости воспроизведения всей многообразно разветвлённой цепи причинно-следственных связей, всей замысловатой «родословной» каждого в отдельности рассматриваемого экономического явления/факта, характеризуемого *свойственной только ему* «архитектоникой связей».

Чтобы научный анализ, призванный достоверно устанавливать производность и обусловленность одного экономического факта от другого экономического факта (дабы не быть произвольным и хаотичным в последовательности предпринимаемых им шагов), всякий раз не отягощался бы громоздким описанием ранее уже выявленных отношений генетического родства между явлениями экономической действительности, – чтобы избежать всего этого Марксу как раз и была абсолютно необходима такая категория, которая бы своим содержанием одновременно резюмировала не только *процесс развития* исходного отношения капиталистической системы производства и *механизм его трансформаций*, но также и его конечный *результат* – наличные формы, в которых протекает действительная жизнь буржуазного общества. Такой категорией и явилась *форма превращённая*.

И только тогда, когда Маркс, наконец, нашёл и выработал этот нужный ему для дальнейшей позитивной разработки экономической теории технический термин, способный вместить новое понятие/понимание механизма развития и соответствующий ему особый тип связей, его научный словарь окончательно обрёл точность и лаконичность языка науки. Тогда для характеристики, к примеру, денег ему уже достаточно стало просто квалифицировать их как *превращённую форму меновой стоимости* (или товара) и совсем не нужно было всякий раз, как только речь заходила о них, давать громоздкое описание их скрытой сущностной связи, как это он вынужден был делать в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.», говоря: «... меновая стоимость получает оторванное, отделённое от продукта существование. Меновая стоимость, отделённая от самих

товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар, есть *деньги*» [6, с. 89].

Завершая анализ, отметим: речь в данной статье велась, конечно же, не о *терминах* самих по себе (хотя в науке и это очень важно), а о *принципиально разных способах понимания* Марксом и Гегелем *механизмов развития*, неизбежно требующих своего закрепления в соответствующем понятийном аппарате и находящихся своё выражения в разных терминах. Как никто другой, это прекрасно понимал Фридрих Энгельс, который в Предисловии к английскому изданию I-го тома «Капитала» в 1886 г. (по другому поводу, но в связи со схожей ситуацией) скажет: «...это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечёт за собой революцию в её технических терминах» [9, с. 31].

Применительно к нашей проблеме совершенно очевидно, что на протяжении всего рассматриваемого периода с 1857 г. по 1867 г. в произведениях зрелого марксизма мы имеем дело ни много ни мало как с фактом, свидетельствующим, что *новая точка зрения* ещё продолжала искать для себя адекватное научное выражение. И в этом плане понятие *положенное* (*das Gesetzte*) вовсе не было чем-то случайным в научном словаре Маркса, а являлось необходимой ступенькой философской зрелости Маркса на пути выработки им собственного научно-теоретического инструментария, позволившего ему реконструировать в движении понятий *механизм общественно-исторического развития*, которое, как это теперь нам хорошо известно благодаря всё тому же Марксу, всегда происходит путём *изменения и превращения форм*, путём порождения одной формой общественно-исторической деятельности людей других форм общественно-исторической деятельности²⁸.

Список литературы

1. Рагозина Т.Э. Форма превращённая как универсальная категория диалектики / Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – ГОУ ВПО «ДонНТУ». – Донецк, 2017. – Выпуск № 2 (6). – С. 60-69.
2. Мамардашвили М. Форма превращённая / М. Мамардашвили // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В.

²⁸ Полная версия ретроспективного анализа историко-философской предыстории категории формы превращённой будет опубликована в ж. «Культура и цивилизация (Донецк)», № (1)7, 2018.

- Константинов. – М., 1970. – Т.5: Сигнальные системы – Яшты. – С. 386-389.
3. Багатурия Г.А. Первое великое открытие Маркса / в кн. «Маркс – историк» – М.: издательство «Наука», АН СССР, Институт истории. – 1968. – 107-173 с.
 4. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
 5. Маркс К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26, ч. III. – 674 с.
 6. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с.
 7. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1980. – 619 с.
 8. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 21. – С. 269-317.
 9. Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию I-го тома «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 30-34.

T. E. Ragozina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

e-mail: tatyana.ragozina@list.ru

TO THE ISSUE OF FORMATION OF CATEGORY «TRANSFORMED FORM»

Annotation. The given article is a continuation of an earlier taken attempt to reveal authentic Marx's vision of transformed form category, its essential content and methodological role. In order to do this the author raises and studies question of formation history of category transformed form.

Key words: *transformed form, supposed form, development, supposing, substance-subject, self-development, society as organic system.*